

УДК 327.56:341 (575.2) (04)

СПЕЦИФИКА УРЕГУЛИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЛИКТОВ

А.В. Тен – ст. преподаватель

The author analyses problems of modern international conflicts and their regulation.

Сегодня, становясь свидетелями самых различных процессов и тенденций в современных международных отношениях, мы можем наблюдать, как каждый из них влияет на меняющийся характер современных конфликтов. Однако влияние это далеко не одинаково (если глобальное потепление климата, например, и будет воздействовать на ход конфликта в Анголе, то, по крайней мере, очень опосредованно). Поэтому нами будут рассмотрены лишь те процессы и тенденции, которые наиболее сильно влияют на специфику современных конфликтов.

Итак, международные отношения конца XX – начала XXI вв. могут характеризоваться наличием такого тандема, как процесс глобализации, с одной стороны, и стремление к автономизации – с другой. Рассмотрим, в чем заключаются особенности каждого из обозначенных процессов.

Сегодня уже можно говорить о том, что различные грани процесса глобализации входят в предмет изучения почти всех общественных научных дисциплин. В то же время, единого определения феномена глобализации до сих пор не существует, поэтому, например, профессор Парижского института политических исследований Б. Бади пытается выделить три измерения этого понятия, важных с точки зрения науки о международных отношениях:

а) глобализация – это исторический процесс, развивающийся на протяжении многих столетий;

б) глобализация означает гомогенизацию мира, жизнь по единым принципам, приверженность единым ценностям, следование единым обычаям и нормам поведения, стремление все универсализировать;

в) глобализация – это признание растущей взаимозависимости, главным следствием которой является подрыв, разрушение национального государственного суверенитета под напором действий новых факторов общепланетарной сцены – глобальных фирм, религиозных группировок, транснациональных управленческих структур (сетей), которые взаимодействуют на равных основаниях не только между собой, но и с самими государствами – традиционно действующими лицами международных отношений.

В результате можно выделить несколько глобальных тенденций, сосуществующих сегодня в мире, и непосредственно влияющих на специфику современных международных конфликтов.

Во-первых, в качестве одной из таких тенденций можно назвать размывание границ между внутренней и внешней политикой, все большее сближение двух правовых систем – международного и внутригосударственного права. Сегодня мы наблюдаем процесс их слияния, что естественно требует некоторого пересмотра норм международного публичного права и это, прежде всего, относится к субъектному составу. Если на данном этапе они носят чисто государственный характер, то новые тенденции международных отношений в

сторону глобализации требуют более гибкого подхода, иными словами, включения в число субъектов современного международного публичного права международных неправительственных организаций, транснациональных корпораций, а также более широкого подхода к физическим лицам как акторам в международных отношениях. С усилением взаимозависимости, а также с возникновением новых проблем, решение которых не может быть найдено в рамках отдельных государств, сегодня все чаще звучит вывод о “прогрессирующей проницаемости границ между внутренней и внешней политикой”¹, или об интернационализации политики.

Применительно к конфликту это может обозначать, что сегодня в значительной степени стираются границы между внутренними и международными конфликтами. В качестве причин этого М.М. Лебедева называет, в частности, тот факт, что “конфликт в современном мире нередко возникнув как внутренний, становится международным в результате, например, своего расширения. К нему подключаются другие участники, и он выходит за рамки национальных границ. Но даже если до этого дело не доходит, внутренний конфликт, как правило, воздействует на соседние страны, в том числе вследствие перехода границ беженцами. Так, в связи с конфликтом в Руанде в 1994 г. эту страну покинули около 2 млн. человек, которые оказались в Танзании, Заире, Бурунди. Ни одна из этих стран не была в состоянии справиться с потоком беженцев и обеспечить их самым необходимым.

В иных случаях внутренний конфликт может, оставаясь по сути внутренним, приобретать международную окраску из-за участия в нем представителей других стран. Например, в конце 1996 г. в резиденции японского посла в Лиме (Перу) представителями революционного движения “Тупак – Амару” были захвачены в качестве заложников граждане разных стран. Несмотря на то, что требования террористов относились к внутренней политике Пе-

ру, в конфликт так или иначе оказались вовлеченными и другие государства, граждане которых стали заложниками, – прежде всего Япония”².

Кроме того, некоторые внутренние конфликты превращаются в международные в результате присутствия в стране конфликта иностранных войск, а нередко и их прямой интервенции.

Еще один вариант трансформации внутреннего конфликта в международный – “дезинтеграция страны. Примером может служить конфликт в Нагорном Карабахе, который возник еще в рамках СССР. После распада Советского Союза и образования самостоятельных стран – Армении и Азербайджана – конфликт в Нагорном Карабахе превратился в межгосударственный”³.

В качестве еще одной глобальной правовой и политической тенденции здесь можно назвать демократизацию как международных отношений, так и внутривнутриполитических процессов, выработку единых стандартов правового регулирования. Эта тенденция наблюдается во всех странах, независимо от господствующего в них типа политического режима. Ее проявлением сегодня служит “прогрессирующая политизация масс, повсеместно требующих доступа к информации, участия в принятии касающихся их решений, улучшения своего материального благосостояния и качества жизни”⁴.

Однако масштабность и специфика данного процесса приводят к возникновению некоторых закономерных проблем, к числу которых можно отнести, во-первых, то, что сама демократия “имеет довольно разные степени зрелости”⁵. Так, первичные ее формы в виде регулярных многопартийных выборов, например, в ряде африканских стран или в некото-

¹ Цыганков П.А. Глобальные политические перемены и язык теории // Глобальные социальные и политические перемены в мире / Под ред. проф. А.Ю. Мельвиля. – М., 1997. – С. 35.

² Лебедева М.М. Международные процессы // Международные отношения: социологические подходы / Под ред. проф. П.А. Цыганкова. – М.: Гардарики, 1998. – С. 249–250.

³ Там же.

⁴ Цыганков П.А. Указ. соч. – С. 36.

⁵ Современные международные отношения / Под ред. проф. А.В. Торкунова. – М.: МГИМО, 1998. – С. 43.

рых новых независимых государствах в значительной степени отличаются от форм зрелой демократии западноевропейского типа. Влияние данной тенденции на специфику современных конфликтов может выражаться, например, в том, что сегодня существует целый ряд стран с парламентскими формами правления (например, Индия и Пакистан, Греция и Турция), в которых не только не решены межнациональные и территориальные проблемы, но и наблюдается их актуализация.

Во-вторых, еще не совсем ясно, как поведут себя демократические государства в отношении друг друга при отсутствии или качественном сокращении масштаба угрозы со стороны авторитарных государств. Прецедентом для такого опасения может служить напряженность во взаимоотношениях тех же Индии и Пакистана, а также Греции и Турции – стран с парламентскими формами правления.

В-третьих, особое внимание следует обратить на проблему “необходимости достижения национального единства (включая вопрос о территориальных границах) и национальной идентичности в качестве обязательного предварительного условия демократизации”¹.

В-четвертых, проникновение норм международного права во внутреннее право государств влечет за собой все большее проявление полноты мира, но на качественно новом витке, где, с одной стороны, все еще сохранились стереотипы, основанные на происхождении самих международно-правовых норм, а с другой – проявляется активность государств в деле внедрения этих норм в свое внутреннее законодательство. Так, западные страны, не учитывая специфики определенных регионов в смысле культурных, правовых традиций, взяли на себя так называемые мессианские функции и стремятся насадить принципы демократии, основанные на христианских ценностях индивидуализма, посредством международно-правовых норм. Ответом на подобные действия, в особенности в азиатских странах с молодой демократией, являются внутренние противоречия, когда у населения видна

негативная реакция к новым веяниям в правовой традиции и государственной доктрине, а правительства формально поддерживают эти новые тенденции в силу их полной зависимости от сверхдержав современности и Запада в целом. Это приводит к абсолютной неэффективности реализации норм международного права в этих странах.

С тенденцией демократизации сегодня связано и такое явление, когда международные отношения и внешняя политика перестают быть уделом узкой группы специального государственного ведомства, становясь достоянием совокупности самых разнообразных институтов, как правительственных, так и “независимых”, как политического, так и неполитического характера.

В результате круг непосредственных участников современных внешнеполитических отношений сегодня значительно расширяется. И в этом зачастую видят еще одну глобальную политическую тенденцию.

Расширение состава и рост многообразия внешнеполитических факторов проявляется, во-первых, в резком увеличении количества государств (после Второй мировой войны их численность возросла с 60 до 185), а также в том, что в наши дни в мировой политике наряду с государствами активно участвуют и другие действующие лица (к числу которых можно отнести неправительственные организации), усиливая давление на принимаемые в этой сфере решения и способствуя усложнению ее структуры”². Применительно к конфликтам, в 90-х годах это привело к снижению количества межгосударственных конфликтов на фоне общего роста числа конфликтов в мире после окончания холодной войны.

С другой стороны, возросшее число участников международных отношений “становится источником абсолютной случайности в этой сфере. То, что наблюдается в наши дни в международных отношениях, – это переход от ситуации риска, свойственной периоду холодной войны, к ситуации сомнения”³, так как за-

¹ Мельвилль А.Ю. Демократизация как глобальная тенденция? // На рубеже веков. – 1996. – №4. – С. 22.

² Цыганков П.А. Указ. соч. – С. 37.

³ Цыганков П.А. Гуманизация международных отношений: реальность или утопия? // Гуманизм на рубеже тысячелетий: идея, судьба, пер-

частую поведение новых факторов (таких, как религиозные движения, ТНК, политические объединения), способных оказывать непосредственное влияние на ход событий без оглядки на национальные правительства, непредсказуемо и не всегда ясно. “В результате в систему МО внесена теперь большая неуверенность, порожденная чрезвычайно широкой палитрой интересов, стремлений и целей”¹. Данная ситуация позволяет говорить сегодня о таком явлении, как “парадокс участия”, суть которого заключается в следующем: чем меньше количество участников системы и степень их разнородности, тем более упорядоченной оказывается сама система и легко предсказуемыми последствия отдельных действий. Если же система начинает пополняться все новыми членами (а именно это мы и понимаем под участием), то предсказание, а заодно и совершение эффективных действий становится все более трудным, поэтому, в силу многообразия новых участников общая неуверенность делает их влияние относительно слабым, что в свою очередь значительно затрудняет процессы урегулирования современных конфликтов, которые сегодня приобретают тенденцию к подключению все большего числа различных, в том числе – негосударственных участников.

Такое активное участие негосударственных факторов в современных конфликтах выявляет еще одну их особенность. Эти конфликты порождают особые трудности при урегулировании их традиционными средствами дипломатии, которые включают официальные переговоры и посреднические процедуры. В результате особенно актуальным в начале XXI в. становится поиск иных “нетрадиционных” средств урегулирования подобных конфликтов, которые дополняли бы традиционные формы межгосударственного взаимодействия (это может быть участие в урегулировании современных кон-

спектива. Материалы конференции. – М., 1997. – С. 91–92.

¹ Николсон М. Влияние индивида на международную систему. Размышления о структурах / Жирар М. (рук. авт. колл.) Индивиды в международной политике. – М.: МПА, 1996. – С. 136.

фликтов церкви, частных лиц, неправительственных организаций).

В качестве еще одного глобального вызова можно назвать проблему соотношения процесса глобализации с понятием национальная идентичность. Речь идет о том, что, с одной стороны, глобализация рассматривается как процесс усилившейся глобальной взаимозависимости государств, экономик, культур, который может быть охарактеризован как “сжатие мира и интенсификация осознания людьми мира как единого целого”². По мнению некоторых авторов, “этот процесс ведет к гомогенизации культур, что, в конечном итоге, будет означать конец эпохи четких национальных идентичностей”³. Исходя из логики данного заключения, можно предположить, что процесс глобализации должен способствовать снижению конфликтности в современном мире.

В результате, особое внимание начинает привлекать с себе так называемый “идентичностный” конфликт, который становится «модельным конфликтом наших дней, через который этнические, религиозные, племенные или лингвистические группы реализуют свои социокультурные ценности, идентифицируют себя, свое видение мира в период утверждения “постсовременной” цивилизации»⁴. По данным Стокгольмского международного института исследований проблем мира (СИПРИ), “две трети всех насильственных конфликтов в середине 90-х годов имели именно такую основу”⁵. Что же касается Кыргызской Республики, то угроза возникновения подобных конфликтов на территории нашей страны является одной из основных проблем современной социально-политической жизни.

² Robertson R. Globalization. – L.: Sage, 1992. – P. 8.

³ Рукавишников В.О., Халман Л., Эстер П. Политические культуры и социальные измерения: международные сравнения. – М.: Совпадение, 1998. – С. 292.

⁴ Насиновский В.Е., Скакунов Э.И. Политические конфликты в современных условиях // США: экономика, политика, идеология. – 1995. – №4. – С. 11.

⁵ Арутюнян Ю.В., Дробижска Л.М., Суколов А.А. Этносоциология. – М.: Аспект Пресс, 1998. – С. 229.

Обращаясь теперь к проблеме формирования системы нового миропорядка, необходимо учитывать тот факт, что сам термин “мировой правопорядок” предполагает анализ в первую очередь межгосударственных взаимодействий. Анализ в пределах данной статьи двух наиболее распространенных концепций нового мирового порядка может существенно дополнить картину и внести некоторые необходимые пояснения в характер современных международных конфликтов. Однако современные процессы и тенденции оказывают значительное влияние на качественный состав факторов международных отношений, а также на степень их участия в урегулировании различных международных проблем.

Так или иначе, до тех пор, пока будет существовать какая-либо серьезная опасность широкого распространения локальных конфликтов, грань между локальными, региональными и глобальными конфликтами будет относительна, что не позволяет сегодня недооценивать значение конфликтов локального уровня.

Таким образом, в современной системе международных отношений можно обозначить некую двойственную тенденцию: с одной стороны, налицо переход конфликтности с глобального на локальный и региональный уровни, с другой – наблюдается обратная тенденция к расширению локальных и региональных конфликтов нередко до угрозы их глобального влияния на различные международные процессы.

На фоне таких изменений, происходящих в характере современных конфликтов, а также непосредственно с распадом биполярности, появляется закономерная необходимость в определении и обосновании системы нового мирового порядка.

В итоге, на сегодняшнем этапе развития международных отношений можно констатировать следующее: во-первых, за последнее десятилетие произошли коренные изменения. Исчезнувшая межгосударственная биполярность не оставила после себя никакой другой столь же прочной конструкции на мировой арене. А вовлечение негосударственных факторов в решение различных международных

проблем еще больше усугубило существующий в этой сфере хаос отношений. Тем более, что, несмотря на большое число и активные действия новых негосударственных участников международных отношений, они все же находятся в разных “весовых категориях” по сравнению с традиционными международными факторами – государствами.

Во-вторых, сам характер конфликтов претерпел настолько сильные изменения, что использование традиционных средств их урегулирования, основанных на государственноцентристской модели, уже не представляется адекватным сложившейся ситуации.

Важным также является сотрудничество неправительственных организаций с межправительственными в сфере урегулирования конфликтов, поскольку у многих межправительственных организаций, в частности, у ООН, сегодня уже накоплен определенный полезный опыт политического урегулирования конфликтов в сотрудничестве с другими международными факторами. Кроме того, вовлеченность государств зачастую необходима для решения подобных международных вопросов.

С другой стороны, как бы то ни было, именно неправительственные организации нередко являются теми участниками урегулирования, которые первыми вовлекаются в этот процесс и последними сворачивают свою деятельность. Однако некоторые государства, входящие в межправительственные организации, рьяно отстаивая свой суверенитет, зачастую отказываются признать правомочность решений этих организаций, что понижает эффективность их деятельности.

Таким образом, урегулирование конфликтов в современном меняющемся мире является сегодня многоплановой проблемой, решение которой включает рассмотрение целого ряда новых вопросов системы международных отношений, а также требующей изменения всего пласта международных договоров, нормы которых должны регулировать новые отношения, возникшие в результате глобализационных процессов.